

МУРЗИЛКА

1

Библиотека
имени
В. И. Ленина
Публикация
1935

ОГИЗ ДЕТГИЗ
СЕНТЯБРЬ 1935.

№ 9

XX 63
11

Содержание

Пятеро из одного отряда — рассказ Веры Смирновой. Рис. худ. Т. Звонаревой	1
Наш замечательный день — рассказ Оли и Лены Аросевых. Рис. худ. Т. Лебедевой	6
Клюква — рассказ М. М. Пришвина Рис. худ. Г. Никольского	8
„Дети, бегущие от грозы“ — с картины худ. К. Е. Маковского	10
Филипок — рассказ Л. Толстого. Рис. худ. В. Веретенникова	11
Школьники Зернограда — фото Ф. Скурихина .	13
Принцесса на горошине — сказка Г. Х. Андерсена. Рис. худ. М. Михаэлис	14
Про волчонка — стихи З. Александровой. Рис. худ. Д. Горлова	16
Открытки из жарких стран — М. Поляновский. Рис. худ. В. Цельмер	17
Знаешь ли ты — Н. Шер	20
Хитрая Маки — Е. Благиной, Рис. худ. В. Константинова	
Первая задача — фото-этюда А. Мазина	

На 1-й странице обложки рисунок худ. К. Кузнецова.

Пятеро из одного отряда

Вера Смирнова

Худ. Т. Звонарева

Посвящается пионерам: Володе Морозову, Ване Сорокину, Андрюше Згольникову, Леше Сиянову, Дине Федоровой.

1

Их было пятеро. У самого младшего еще не успел полинять его первый пионерский галстук, самый старший был вышиною с подсолнечник, двое были ровесники пятого класса, средняя была девочка.

Они встретились по дороге в Артек. Белый пароходик проворно плыл по Черному морю вдоль крымского берега. Они стояли все рядом на палубе и смотрели, как кипела у колес белая пена.

— Ух, сколько воды! — сказал один. — А у нас на селе только речка...

Второй оглянулся на него и махнул рукой:

— А у нас в станице один пруд...

Третий придвинулся к ним и подсвистнул:

— А у нас в деревне кругом болото...

Девочка вздохнула и прошептала:

— А у нас просто степь...

Пятый деловито поправил клеенчатую сумку за плечами и сказал спокойно:

— Морская вода соленая — ни пить, ни мыть, ни сад полить. А у нас в Донбассе артезианские колодцы.

Так они познакомились, и не успели доехать до Артека, как уже сдружились крепко, как самые настоящие пионеры. Стоило одному открыть рот — другой уже говорил: „А у нас“, третий продолжал:

„в отряде“, четвертый прибавлял: „все ребята“, а девочка всегда подтверждала: „честное пионерское“.

Может быть, поэтому в Артеке их записали всех в один отряд, и они стали жить вместе.

Они вместе лазали на Медведь-гору, купались в Черном море, ели виноград. Заодно они ловили рогатых жуков и крылатых рыб, сушили кипарисные ветки и учились приручать змей. Правда, это были не какие-нибудь очковые или гремучие змеи, а безопасные „желтопузики“, но их не так-то просто было взять в свои руки.

Так прошло пять дней.

2

На шестой линейке вожатый сказал всему лагерю:

— Ребята, сегодня вечером на площадке у моря мы зажжем пионерский костер. Должны явиться: море, звезды, верхний и нижний лагерь и пятеро новых ребят. Будьте готовы!

— Всегда готовы! — закричали все ребята и сейчас же после завтрака отправились в парк за хворостом.

Вечером солнце тихонько нырнуло в море, небо украсилось серпом и звездами, а волны стали подкрадываться к самой площадке и укладываться на камнях. На

площадке собрались все отряды и даже все октябрятские звездочки. Дежурные по костру зажгли факел. Вожатый махнул рукой и закричал:

— Гори, гори ярко, наш пионерский костер!

И вот костер загорелся. Ух, как весело запрыгали красные искры! И все, кто только хотел, плясали вокруг костра. Другие сидели на краю площадки и пели и хлопали ладошами. Самый маленький, чтоб лучше видеть, забрался на плечо вожатому, глядел на огонь и приговаривал:

— Огонечек красный, гори, не погасни!..

— Пионеры! — сказал вожатый. — У нас в лагере пятеро новых ребят: один с Украины, другой из казачьей станицы, третий из Белоруссии, четвертый с Донбасса, а вот эта девочка — из степного края. Пусть они нам сейчас расскажут, кто они и что они сделали такого особенного, потому что в Артек попадают только лучшие пионеры Союза.

И весь лагерь закричал:

— Слушаем! Слушаем!

3

Все пятеро смотрели в огонь и молчали.

— Ну, — сказал вожатый, — начинай хоть ты, пионерка.

— Я всегда готова, — сказала девочка, — только я очень стесняюсь рассказывать.

— Рассказывай, — сказали четверо ребят, а младший прибавил:

— Вы не смотрите, что она на вид девчонка, — она целое колхозное поле спасла.

И девочка рассказала вот что:

— В нашем степном крае очень много сусликов. Как только хлеб поспевает — беда!

Ночью над степью прямо разбойничий свист — суслики поле грабят. Вот мы в школе решили помочь колхозу против этих страшных врагов. Утром я встала рано-рано, взяла ведро с водой, веревку, железный крючок и побежала в поле. Суслики все уже наелись досыта и спрятались в свои норки. Ход в норку узкий, просто маленькая дырка в земле, рукой не пролезть. А я в дырочку воды налила. Суслик к воде не привык, сейчас же высунулся. Ну, я его крючком за мордочку и вытащила. Сразу в одно утро двадцать штук прикончила. На веревку всех нацепила и тащу. Ребята наши увидали, кричат: „Суслики, хорошие суслики! Кто хочет воротник на шубу?“ А наш председатель говорит: „Тащи, Дина, в Пушторг! Там за каждую шкурку тебе спасибо скажут“. Так целое лето. Только станет светать, а колхозницы говорят: „Вон уж наша Дина опять на охоту отправилась!“ Только я уже не одна ходила — весь наш класс охотился. Я одна четыреста пятьдесят штук поймала, а все вместе тысячу двести!

А весь лагерь стал смеяться:

— Вот так охотница! Хо, хо!

Но самый старший из пятерых закричал:

— Ничего смешного нет! Каждый суслик за лето четыре кило зерна поедает. Вы помножьте-ка четыре кило на тысячу двести—сколько колхозного хлеба она сберегла?

Все помножили и перестали смеяться, и захопали в ладоши, и закричали:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень хо-ро-шо!

Такая у них была артекская поговорка, когда они были довольны.

4

Маленькая охотница покраснела, как уголек в костре, и подтолкнула своего соседа:

— Пусть теперь он лучше расскажет.

— Я всегда готов,—сказал тот, что был в пятом классе,—только я не умею складно рассказывать.

— Рассказывай!—сказали четверо ребят. А его ровесник прибавил:

— Это ничего, что он на вид такой худой,—он колхозную машину спас.

И худенький рассказал вот что:

— Пропала в колхозе веялка. Не винтик, не гайка, целая машина потерялась, а не могут найти. Я за обедом говорю отцу: „Надо в райком, за следователем, надо в город за собаками ехать“. А отец отвечает: „Себе под нос гляди и помалкивай!“ Ну, я понял: „Неладно что-то!“ Ушел я из дома, иду по улице, гляжу себе под нос. Вдруг вижу машинный след на дороге. Я сейчас же подумал: „Веялка!“ И пошел по этому следу. На дороге целый день езда и ходьба, след тоненький, то пропадет, то опять виден. И вдруг сворачивает прямо в церковь. Я удивился, потому что у нас церковь давно закрыта и поп в колхозе сторожем служит. Дошел я до самых церковных ворот, а дальше нельзя—собака злая. Все-таки я не успокоился, обошел кругом и перелез через церковную ограду. За оградой старые могилы и кусты густые. А в кустах наш батюшка с неизвестным человеком веялку разбирают. А неизвестный человек говорит: „Вы мне при случае еще что-нибудь приготовьте. Мне машинные части нужны.

А я говорю: „Вот еще, колхозное добро портить!“ Ну, они меня увидели, схватили и говорят: „Молчи, а то плохо будет“. А я говорю: „Пустите, я к председателю побегу!“ Ну, они меня стали бить. Били-били, потом говорят: „Теперь попробуй, побегу“. А я, конечно, бежать уж не могу. Вышел кое-как на улицу, сел на дороге и голову руками держу. Вдруг идет наш секретарь: „Где это, пионер, так расквасился?“ А я ему говорю: „Вы на меня не обращайтесь внимания, а веялка на дерковном дворе вся разобранная. Он обрадовался—и скорей за мужиками... А домой я уже вечером добрался, чтобы мать не ругалась.

— Тебе было очень больно?—кто-то спросил тихонько.

Но самый старший из ребят закричал:

— Ну и что ж, что больно! А что такое для колхоза веялка, вы подумали?

Все подумали и стали хлопать в ладоши и опять закричали по-артекски:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень хо-ро-шо!

5

Но маленький следопыт махнул рукой и показал на своего ровесника:

— Пусть теперь лучше он расскажет.

— Я всегда готов,—сказал второй из пятого класса,—только вдруг я что-нибудь забуду.

— Рассказывай,—сказали четверо ребят, а ровесник его прибавил:

— Это он только ростом такой маленький,—он целый колхоз спас!

И малыш рассказал вот что:

— В нашей колхозной конюшне жеребеночек околел. Он только что родился, а в станке у лошади тесно было, она его и задавила нечаянно. А конюх спал и ничего не видел. Очень жалко было жеребеночка. Утром мы пришли посмотреть на него, а он уже мертвый. Мы стоим и

конюха ругаем: „Зачем проспал жеребеночка?“ А конюх на нас: „Пошли вон из конюшни!“ А мы не уходим. Он нас кнутом. Я хотел спрятаться — там у стенки доски стояли. Я — за доски, а там два мешка с мукой спрятаны. Я кричу ребятам: „Вот отчего у нас лошади голодные!“ Конюх плюнул и ушел. Мы взяли эти мешки и потащили их к председателю. День рабочий, а наш председатель с завхозом и мельником дома сидят, как будто у них выходной. И все пьяные. „Что вы, — говорят, — ребята, расстраиваетесь? Живы будем — все равно порем. Ну-ка, помянем жеребеночка!“ Мы говорим: „Как вам не стыдно пьянствовать? У вас вся картошка семенная сгнила, и сено гниет, и крыша протекает, а теперь и жеребеночек пропал“. Они ничего не слушают, только грозятся на нас. Вот мы тогда решили: написать заявление. То есть это я предложил, я и сочинил, и написал тоже я, потому что у меня почерк хороший. Я написал и сказал: „Айда в МТС!“ А ребята все трусили, а может быть, их дома не пустили. Я же матери ничего не сказал и пошел один. У нас дорога плохая весной: грязь — не пройти. А от нашей деревни до МТС двенадцать километров, и лапти мои совсем раскисли. Все-таки я дошел к вечеру. Нашел директора и заявление подал. Он посмотрел: „Хорошо, разберемся. Иди“. А я испугался и говорю: „Я назад не дойду, у меня лапти раскисли, и онучи все промокли“. Он засмеялся: „Иди в столовую. Ночуешь у нас, а завтра утро вечера мудренее“.

Завтра утром подают машину. Директор говорит: „Садись“. А у меня лапти все раскисли. На машине ехать не то что пешком итти. Мы приехали в город. И прямо в кооператив. Директор говорит: „Разувайся!“ А у меня лапти все раскисли. Купили мне самые лучшие ботинки и чулки тоже. И поехали в райком. В райкоме говорят: „Это правда, что тут написано в

заявлении?“ А я знаю, что правда, — чего мне бояться? И поехали все к нам в колхоз — проверять председателя. Подъезжаем, вдруг директор смотрит на меня и говорит: „Ага, трусил наш пионер, сбежать хочет, по сторонам глядит!“ А я говорю: „Совсем я не трусил, чего мне бояться? Боюсь только, мамка очень беспокоится, что я пропал. Зайдемте на минуточку, я ей только ботинки покажу“.

Тут многие ребята засмеялись, а маленькие стали кричать:

— Покажи ботинки! Покажи ботинки!

Но старший из пятерых сказал:

— Не в ботинках дело! А вот что у них в колхозе председателя сменили и всех пьяниц-кулаков убрали, что вы на это скажете?

И весь лагерь в один голос закричал:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень хордшо!

6

Маленький колхозник засмеялся и уткнулся головой в рукав самого старшего:

— Пусть теперь лучше он расскажет.

— Я всегда готов, — сказал самый старший, вышиною с подсолнечник, — только я буду коротко рассказывать.

— Рассказывай, — сказали четверо ребят, а девочка прибавила:

— Это он с виду такой хмурый, а он ребят на пожаре спас.

Самый старший рассказал вот что:

— Я шел с товарищем в школу. Итти четыре километра. Час ранний. Зашли в чужую деревню. Вижу: на доме крыша горит. Дом горит, а в доме все спят! Я стучу в окошко, кричу: „Выходите. Пожар!“ Слышу, в доме одни ребята, проснулись, режут, а выйти боятся. Посылаю товарища: „Беги, буди народ, зови на помощь, а то так вся деревня сгорит“. Он убежал, а что мне делать? Я смотрю в окно — полон дом дымом, и ребята затихли, а дверь заперта. Ну, думаю, задохнулись. Книжками — трах в окно, вышиб стекло и влез. Дым в глаза, ничего не видно, а на потолке уж огонь пробивается. Я рот зажал, глаза закрыл, нашарил ребят, двух

малышей на руки взял — и к двери. Задвижку отпер, вынес ребят на улицу, а старший сам выполз за мной. „Смирно сидите“, говорю. А сам опять в дом. Все-таки кое-что успел вытащить, пока взрослые прибежали.

Тут уж никто ничего не говорил и не спрашивал, а все сразу закричали:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень хорошо!

7

Но старший из пятерых нахмурился еще больше, замахал руками и спрятался за самого младшего.

— Пусть теперь он расскажет.

— Я всегда готов, — сказал самый младший, у которого еще не успел полинять его первый галстук, — только я не знаю никаких интересных историй.

— Рассказывай, — сказали четверо ребят и прибавили: — Это ничего, что ему только одиннадцать лет, — он целый поезд спас.

Самый младший рассказал вот что:

— Зимой у нас снег глубокий: ребята на лыжах, а я по железной дороге хожу. Раз я шел тихонько по линии, вдруг смотрю: рельса лопнула. Я подумал: что теперь делать? А у нас каждый октябренок знает, что бывает, когда рельса лопнет. Я не стал больше думать, шапку в снег, книжки в шапку, снял с шеи свой пионерский галстук, отбежал немножко и стал махать. Слышу — поезд идет. А я стою и машу. Ну, машинист увидел сигнал, остановил поезд. Кондуктор прыгнул и ругается: „Зачем ты поезд остановил? Вот я тебя в тюрьму за это!“ Я рассердился и говорю: „Что ли ты не видишь: рельса лопнула?“ Он удивился, говорит: „Молодец!“ Сначала ругался, а потом „молодец“...

— Молодец! Молодец! — закричали все ребята, и весь лагерь вскочил с своего

места и захлопал так громко, что моря не стало слышно:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень, очень-очень, это очень-очень-очень, очень-очень хорошо!

— Пионеры! — сказал тогда вожатый. — Вот эти пятеро ребят спасли колхозное поле, машину, колхоз от кулаков, детей от пожара и целый пассажирский поезд. Это настоящие маленькие герои.

— Мы не знаем, — нерешительно сказали четверо ребят, а самый маленький даже удивился:

— Это Молоков — герой, Буденный — герой, а мы просто пионеры!

Но вожатый улыбнулся и сказал:

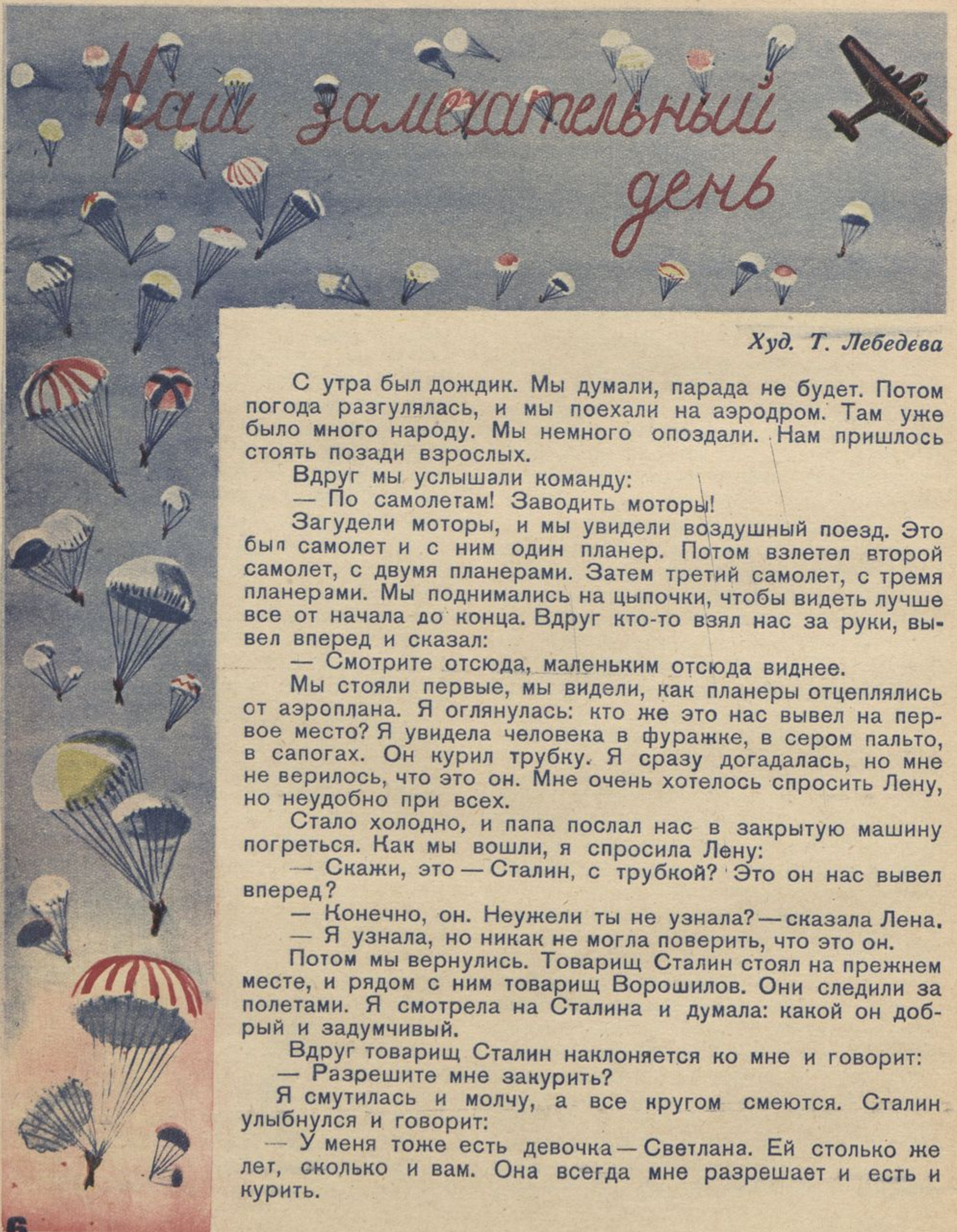
— Ребята! Молоков на Красной площади тоже говорил, что он только исполнил свой долг. Но весь мир знает, что он — герой. И эти пионеры — исполнили свой долг, они — наши маленькие герои. Что нам с ними сделать? Я предлагаю: рассказать об этих ребятах, чтобы про них знали все пионеры во всех лагерях и отрядах, и все школьники во всех классах, и чтоб все ребята во всем Союзе, где бы они ни жили, захотели быть такими же смелыми, находчивыми и стойкими пионерами, как эти пятеро.

И все ребята в Артеке сказали:

— Очень-очень, очень-очень, очень-очень хорошо!

Вот я и рассказала. Вы хотите знать их имена? Они напечатаны в самом начале.

Худ. Т. Лебедева

С утра был дождик. Мы думали, парада не будет. Потом погода разгулялась, и мы поехали на аэродром. Там уже было много народу. Мы немного опоздали. Нам пришлось стоять позади взрослых.

Вдруг мы услышали команду:

— По самолетам! Заводить моторы!

Загудели моторы, и мы увидели воздушный поезд. Это был самолет и с ним один планер. Потом взлетел второй самолет, с двумя планерами. Затем третий самолет, с тремя планерами. Мы поднимались на цыпочки, чтобы видеть лучше все от начала до конца. Вдруг кто-то взял нас за руки, вывел вперед и сказал:

— Смотрите отсюда, маленьким отсюда виднее.

Мы стояли первые, мы видели, как планеры отцеплялись от аэроплана. Я оглянулась: кто же это нас вывел на первое место? Я увидела человека в фуражке, в сером пальто, в сапогах. Он курил трубку. Я сразу догадалась, но мне не верилось, что это он. Мне очень хотелось спросить Лену, но неудобно при всех.

Стало холодно, и папа послал нас в закрытую машину погреться. Как мы вошли, я спросила Лену:

— Скажи, это — Сталин, с трубкой? Это он нас вывел вперед?

— Конечно, он. Неужели ты не узнала? — сказала Лена.

— Я узнала, но никак не могла поверить, что это он.

Потом мы вернулись. Товарищ Сталин стоял на прежнем месте, и рядом с ним товарищ Ворошилов. Они следили за полетами. Я смотрела на Сталина и думала: какой он добрый и задумчивый.

Вдруг товарищ Сталин наклоняется ко мне и говорит:

— Разрешите мне закурить?

Я смутилась и молчу, а все кругом смеются. Сталин улыбнулся и говорит:

— У меня тоже есть девочка — Светлана. Ей столько же лет, сколько и вам. Она всегда мне разрешает и есть и курить.

Я тихо сказала, что курить можно. Товарищ Сталин закурил. После этого мы уже его не стеснялись.

Он был такой простой и хороший. Мне показалось, что мы знаем его давно-давно.

Но вот летчик Алексеев стал показывать замечательные фигуры. Это называется высший пилотаж. Его самолет был все равно, что настоящая живая птица. Вдруг самолет не успел выпрямиться из последней фигуры и упал в речку. Вверх поднялся белый столб. Я думала—это дым, оказалось—это были брызги воды. Все очень заволновались. Вскоре пришел летчик Алексеев. Он был весь мокрый. Он сказал товарищу Ворошилову, что случилась авария. А Сталин крепко пожал руку Алексееву, похлопал его по плечу и сказал:

— Ничего, ничего!

Алексеев стал рассказывать товарищу Сталину, как все это случилось. Стали обсуждать, отчего произошла авария. Товарищ Сталин наклонился ко мне и спросил:

— Ваше мнение?

А я ответила, что не знаю. Подошел к нам летчик Забелин. Он был, как и все, весь в белом. Сталин опять улыбнулся и сказал:

— Позвольте вас познакомить!

А Забелин взял меня на руки и высоко-высоко подбросил вверх, а потом сказал:

— Вот так надо летать! Ты не боишься?

Я сказала: „Боюсь!“ А Ворошилов сказал:

— Через парочку лет бояться не будешь!—И рассмеялся.

Самое замечательное на этом параде были парашютисты. Прыгнули с двух самолетов сразу пятьдесят парашютистов.

Они плавно спустились на своих белых больших зонтиках, и было слышно, как там у них весело. Все громко смеялись и перекликались между собой.

Оля Аросева и Лена Аросева, ученицы III и V классов

Потом на особых парашютах спустили ящики с голубями. Ящик стучался о землю и раскрывался, а голуби вылетали на волю. Один ящик нечаянно раскрылся в воздухе, и голуби улетели. Кролики тоже спускались на парашютах в ящиках.

Вот, наконец, прыгнули с самолета пять парашютисток. У каждой был большой букет цветов. Одна из них уронила свой букет. До земли донесли они только четыре букета и передали их—один Сталину, один Ворошилову, потом Андрееву и Косареву.

А товарищ Сталин обернулся в мою сторону, улыбается и говорит:

— Позвольте, Оля, преподнести вам цветы!

И передал мне свой букет.

Потом выступил с речью товарищ Ворошилов, а затем товарищи Каганович и Косарев. Летчики кричали „ура“.

Уже на подножке автомобиля товарищ Сталин снял фуражку и сказал:

— Спасибо, товарищи! До свиданья!

И уехал. Уехали и мы. И букет уехал с нами. Он стоит сейчас в синей вазе на круглом столе в нашей комнате. Все это правда.

Клюква

М. Пришвин

Худ. Г. Никольский

Егерь Кирсан умел так рассказывать, что по началу кажется, будто это у него все правда. Только под самый конец поймешь, правду он говорит или дурачит нас. Так вот, он стал рассказывать нам однажды, какая это кислая ягода клюква.

— Кто же этого не знает, Кирсан Николаевич? — сказал ему на это кто-то из нас.

— Я не про это, — ответил Кирсан. — Кто же, правда, не знает, что ягода клюква кислая? На то ведь она и есть клюква! А вот однажды мне пришла в голову мысль, и летом я жену

попросил, чтобы она и на мою долю клюквы побольше собрала в болоте. Прошло лето, и осень прошла, лег снег. Негде стало кормиться тетеревам. Завалило ягоду в болоте снегом, занесло в поле зерно. Делать нечего, поднялись тетерева на березы и стали кормиться древесными почками. А после ягоды, после зерна какая же это пища березовая почка? Вот я подумал об этом и поставил под березами шалашик. Когда тетерева пригляделись к шалашику и перестали на него обращать внимание, забрался я рано поутру в него и на снегу раскидал клюкву. Вот прилетели тетерева, расселись по березам, клюют горькие почки. А внизу — видят — клюква красная на белом снегу. Один петух осторожно подходит. Что делать? Ружье мое длинное, чуть шевельнешься — догадается и сам улетит, и все улетят. Скажите, что бы вы на моем месте сделали?

— Что сделали? — сказал один охотник. — Я бы дал первому поклевать...

Другой охотник еще что-то сказал, третий еще. Заспорили.

А Кирсан все сидит и молча улыбается.

— Ну, скажи, Кирсан Николаевич, — обратились мы, наконец, к самому хозяину, — расскажи, как же ты поступил.

— Я поступил просто, — ответил Кирсан: — когда петух взял клюквину в рот, стало ему после березовых почек очень кисло. Он от кислого зажмурился, и тут я в него из ружья...

Смеялись мы, но один охотник сказал:

— На этот раз у тебя сорвалось, Кирсан Николаевич, не сумел ты соврать. Это сказка есть о зайцах, что охотник им клюквы дал, они зажмурились, и он их связал, без ружья обошелся. А ты с ружьем — эка невидаль!

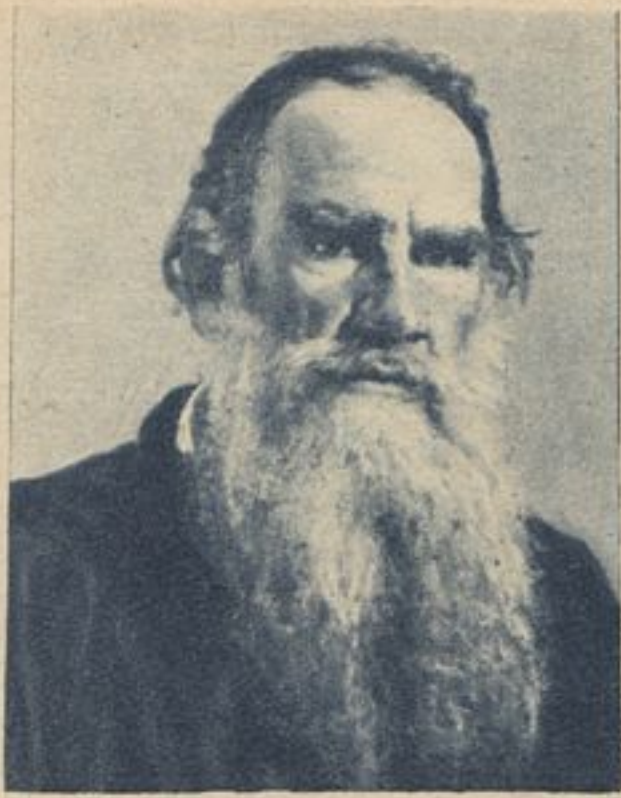

„Дети, бегущие от грозы“.

Эта картина написана шестьдесят лет тому назад известным русским художником К. Е. Маковским.

Картина находится в Государственной Третьяковской галерее в Москве.

Великий русский писатель
Лев Николаевич Толстой.
Род. в 1828 г., умер в 1910 г.

РАССКАЗ ЛЬВА ТОЛСТОГО

ФИЛИПОК

Был мальчик, звали его Филипп. Пошли раз все ребята в школу. Филипп взял шапку и хотел тоже итти. Но мать сказала ему:

— Куда ты, Филипок, собрался?

— В школу.

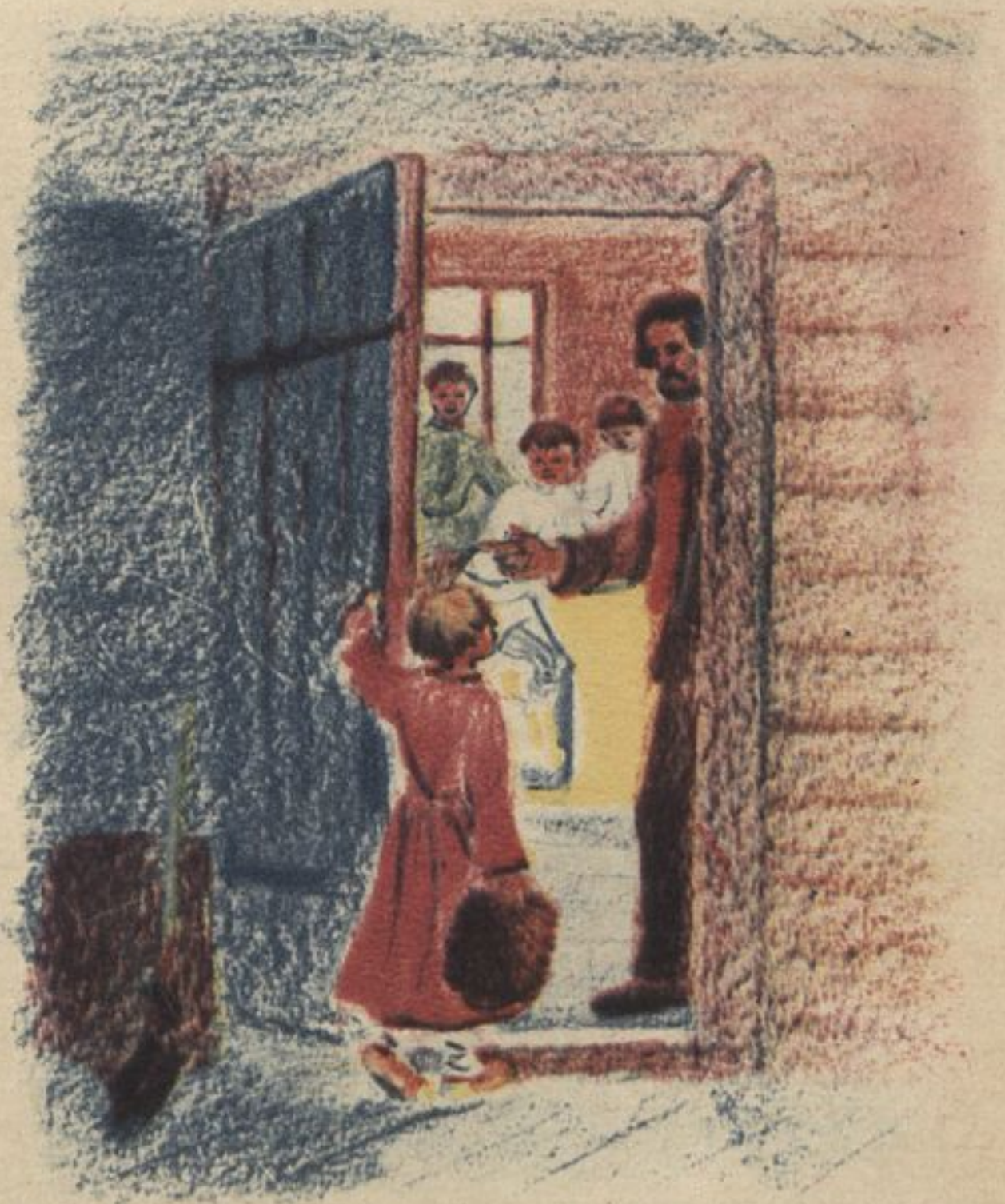
— Ты еще мал, не ходи, — и мать оставила его дома.

Ребята ушли в школу. Отец еще с утра уехал в лес, мать ушла на поденную работу. Остались в избе Филипок да бабушка на печке.

Стало Филипку скучно одному, бабушка заснула, и он стал искать шапку. Своей не нашел, взял старую отцовскую и пошел в школу.

Школа была за селом у церкви. Когда Филипок шел по своей слободе, собаки не трогали его, —

они его знали. Но когда он вышел к чужим дворам, выскочила Жучка, залаяла, а за Жучкой большая собака Волчок. Филипок бросился бежать, собаки за

ним. Филипок стал кричать, споткнулся и упал. Вышел мужик, отогнал собак и сказал:

— Куда ты, пострелёнок, один бежишь?

Филипок ничего не сказал, подобрал полы и пустился бежать во весь дух. Прибежал он к школе. На крыльце никого нет, а в школе, слышно, гудят голоса ребят. На Филипка нашёл страх: „Что, как учитель меня прогонит?“ И стал думать, что ему делать. Назад итти — опять собака заест, в школу итти — учителя боится.

Шла мимо школы баба с ведром и говорит:

— Все учатся, а ты что тут стоишь?

Филипок и пошел в школу.

В сенцах снял шапку и открыл дверь. Школа вся была полна ребят. Все кричали свое, и учитель в красном шарфе ходил по середине.

— Ты что? — закричал он на Филипка.

Филипок ухватился за шапку и ничего не говорил.

— Да кто ты?

Филипок молчал.

— Или ты немой?

Филипок так напугался, что говорить не мог.

— Ну, так иди домой, коли говорить не хочешь.

А Филипок и рад бы сказать, да в горле у него от страха пересохло. Он посмотрел на учителя и заплакал. Тогда учителю жалко его стало. Он погладил его по головке и спросил у ребят, кто этот мальчик.

— Это Филипок, Костюшкин брат, он давно просится в школу, да мать не пускает его, и он украдкой пришел в школу.

— Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтобы пускала тебя в школу.

Учитель стал показывать Филипку буквы, а Филипок их уже знал и немножко читать умел.

— Ну-ка, сложи свое имя.

Филипок сказал:

— Хве-и — хви, ле-и — ли, пе-ок — пок.

Все засмеялись.

— Молодец! — сказал учитель. — Кто же тебя учил читать?

Филипок осмелился и сказал:

— Костюшка. Я бедовый, я сразу все понял. Я страсть какой ловкий!

С тех пор Филипок стал ходить с ребятами в школу.

С. Погореловский
Фото Ф. Скурихина

Опять закинут
мешок за плечи.
Прощай, наш лагерь,
до новой встречи!
Реке и роце
привет от нас.
Прощай, наш лагерь,
и здравствуй, класс!

Окрепшим, дружным
большим отрядом
опять за парты
мы сядем рядом.
Раскрыты книжки,
звонок зовет.
Начнем, ребята,
учебный год!

Сто лет назад в Дании была напечатана первая книга сказок знаменитого сказочника Ганса-Христиана Андерсена. Он придумывал замечательные сказки. Это были сказки о хороших и дурных людях, о глупцах и чванливых хвастунах.

Часто Андерсен показывал их своим читателям под видом королей и принцесс. Он рассказывал про них необыкновенные и смешные истории.

Андерсен смеялся над ними, но делал он это так тонко и весело, что только умный мог понять, в чем дело.

Прочти эту сказку Андерсена, и ты поймешь, почему всем привередам и капризницам говорят:

— Вот так принцесса на горошине!

Г.-Х. АНДЕРСЕН,

знаменитый датский сказочник.
Род. в 1805 г., умер в 1875 г.

Принцесса на горошине

Жил-был принц. Он был важный и гордый и хотел непременно жениться на настоящей принцессе. Он объездил весь свет и никак не мог найти такую принцессу. Принцесс было много, но были ли они настоящие, этого он не мог решить. Так и вернулся принц домой ни с чем и сильно горевал: уж очень ему хотелось найти настоящую принцессу.

Раз вечером была ужасная погода: молния так и сверкала, гром гремел, а дождь лил, как из ведра; ужас что такое! Вдруг в городские ворота постучали, и старый король пошел отворять.

У ворот стояла принцесса. На что она была похожа! Вода бежала с ее волос и платья прямо в носки башмаков и вытекала из пяток, а она уверяла, что она настоящая принцесса.

„Ну, это мы узнаем!“ подумала старая королева, но не сказала ни слова, пошла в спальню. Она сняла с постели все тюфяки и подушки и положила на доски горошину, а на горошину постлала двадцать тюфяков да еще сверху двадцать пуховиков.

На эту постель и уложили принцессу на ночь.

Утром ее спросили, как она спала.

— Ах, очень дурно! — сказала капризным голосом принцесса. — Всю ночь не могла сомкнуть глаз. Бог знает, что у меня была

за постель! Я лежала на чем-то таком жестком, что наверное у меня все тело теперь в синяках! Просто ужасно!

Тут-то и решили, что это была настоящая принцесса. Она наверное почувствовала горошину через сорок тюфяков и пуховиков, а такую чувствительной особой могла быть только настоящая принцесса.

И принц женился на ней. Теперь-то он уж был уверен, что берет за себя настоящую принцессу! А горошину поместили в музей; там она и лежит до сих пор, если кто-нибудь не взял ее.

Да, вот какая была история!

Рис. худ. М. Михаэлис

З. Александрова
Худ. Д. Горлов

Про волчонка

Пахнет шерстью волчьей
у пенька с поганками...
Шли волчата ночью
лунными полянками.

Маленький волчонок прыгал, баловался,—
заблудился в кустиках и один остался.

Дождь закапал мелкий,
стали глубже лужицы.
А волчонок белкой
по болоту кружится.

Нюхает, чихает—запах непривычный
по дороге к дому, на траве брусничной.

Здесь они от дождика
прятались под елками;
здесь катали ежика
с длинными иголками;

здесь он поскользнулся, съехал в грязь на лапах...
Но опять мешают незнакомый запах.

Видит, на опушке,
под большой рябиною,
слушают лягушки
песню комариную.

Прыгают лягушки, не промочат ноги...
Это не от них ли пахнет на дороге?

Хлопают осины
листьями-ладошами.
Правда, пахнет сильно
новыми калошами.

Только не лягушки в этом виноваты:
утром за грибами бегали ребята.

На сырых дорожках,
в зарослях осиновых,
шлепали в калошках,
в тапочках резиновых,—

рвали подосинники, рыжики, опенки...
Спутали дорогу глупому волчонку.

Макс Поляновский
Худ. В. Цельмер

ШЕСТОЕ ПИСЬМО

Остров Цейлон
5 ноября 1934 года

Сегодня пятый день стоянки нашего парохода. Здесь живут темнокожие сингалезы и тамилы. Помните, я писал вам о них в прошлом своем письме, в шестом номере „Мурзилки“?

Сто двадцать лет назад тамилы и сингалезы были покорены англичанами. Англичане пришли к острову на кораблях с

пушками. У темнокожих были только лук да стрелы. Они и ружья тогда еще не знали.

С тех пор англичане стали хозяевами острова Цейлона.

Сегодня мы ходили по городу. Нам встретился темнокожий мальчик лет восьми. Он нес тяжелый плакат. На плакате большими буквами было написано: „Смотрите сегодня боевик „Таинственный автомобиль“. Все в кино! “Так с утра до вечера ходит мальчик под тропическим солнцем, без шапки, босиком.

— Что ты получишь за день своей работы? — спросили мы его.

— Десять центов, — ответил нам мальчик.

Десять центов — всего четыре копейки! Мы спросили, что он купит на них.

— Мать купит рис. Мои младшие братья и сестры голодны. Отец и мать без работы.

СЕДЬМОЕ ПИСЬМО

Индийский океан

15 ноября 1934 г.

В Индийском океане мы отпраздновали семнадцатую годовщину Октябрьской революции.

На десятые сутки наш пароход пришел в огромный порт — Сингапур.

Здесь живут малайцы, сиамцы, китайцы. Но и здесь хозяйничают англичане. Высокие пальмы растут в Сингапуре, на рынках множество кокосовых орехов. Но самое важное здесь — это каучуковое дерево. Если сделать на коре каучукового дерева надрез, вытекает белый сок, похожий на молоко. Его собирают в чашечки, относят на завод. Из этого сока изготавливают резину. Калоши, боты, ластик, даже автомобильные шины, оказывается, растут на деревьях. А у нас, в СССР, резину научились изготавливать из... картошки.

На улицах Сингапура, на стенах домов, по зеркальным стеклам магазинов, на по-

толках и карнизах, мы заметили множество ящериц. Они большие — от двух до пяти вершков в длину.

Увидев муху, комара или москита, они миглом высовывают свой длинный липкий язык и хватают свою жертву.

Местные жители ценят за это ящериц-мухоловок. Многие даже кладут этих ящериц к себе в постель.

— Она не трогает человека, — объяснил нам наш проводник. — Если ящерица в постели, ни один москит не искушает вас.

Нам и слушать было об этом противно.

Только наш механик решил достать себе ящериц.

— Я домой их, во Владивосток, отвезу, — сказал он. — Они очень полезные. Я уже привозил их когда-то, они у меня долго жили.

Через несколько дней в его каюте резвились ящерицы. И ни одной мухи, ни одного москита не осталось у него в каюте.

ВОСЬМОЕ ПИСЬМО

Южно-Китайское море

1 декабря 1934 года

Уже декабрь. В Москве, вероятно, снег, а здесь жарко, душно, даже ночами. Мы ходим полуодетые. Будто не декабрь, а июль.

Вчера на пароходе произошло событие: в рубильнике нашли небольшую змею. Она заползла с берега по тросу — железному канату, которым пароход был пришвартован к земле. Когда стемнело, механик подошел к рубильнику. Он включил ток — в рубильнике что-то зашипело. Внутри была змея. Ее убило током.

В Сингапуре, на окраине города, мы тоже видели змею.

Это был громадный питон. Его поймали охотники. Огромная гадина едва ползла: ее всю распирало.

— Этот питон недавно проглотил что-то очень большое. Он спешил в свой

термитник, чтобы улечься и там переваривать пищу. Мы напали на его след и убили,— рассказал нам один охотник.

Когда питону вспороли брюхо, внутри оказался рогатый козел. Через несколько дней огромная, красивая змеиная шкура, вся в узорах, была обработана и продавалась в магазине. В Сингапуре из змеиных шкур делают обувь, портфели, кошельки, даже куртки.

ДЕВЯТОЕ ПИСЬМО

Тихий океан

21 декабря 1934 года

Посылаю вам последнее письмо из тропиков, дорогие ребята.

Мы вышли из Сингапура прямым рейсом на Владивосток.

Жестокий декабрьский шторм загнал

нас в Манилу, главный город на Филиппинских островах. В эту пору сильные тайфуны, страшные ветры, свирепствуют на Тихом океане.

Шторм вертел наш пароход, как легкую щепочку. Мы шли вперед, а огромные валы отбрасывали нас обратно. У нас вышел запас угля, пища была на исходе, и мы вынуждены были зайти в порт.

Здесь тоже все в цвету. Растут пышные тюльпаны, пионы, сахарный тростник и замечательная манильская трава. Из нее делают здесь отличные плетеные шляпы. По улицам бегают крохотные пони, запряженные в драндулеты— так называются здесь извозчичьи повозки.

Через десять дней—Новый год. Приближается январь, а здесь жарко, как в печке. Четыреста лет назад этот тропический остров открыл известный испанский мореплаватель Магеллан.

Телеграмма-молния
Редакция „Мурзилки“

Владивосток
Январь 1935 года

Тропический рейс парохода „Серго Орджоникидзе“ закончен. На сотый день пути радостно увидели советские берега.

Трудный переход Севастополь—Владивосток завершен успешно. Он продолжался 102 суток.

Макс Поляновский

Знаешь ли ты

ОТКУДА НАЗВАНИЕ „АЗБУКА“?

Посмотри на первый рисунок. Это первая страница старинного букваря. По этому букварю ребята учились больше ста лет тому назад. Букварь тогда назывался азбуковник или буквица, или аз-веди. В старину буквари склеивались страничка к страничке, в длинные свитки, метра в три длиной. Во всю длину свитка писались буквы. Назывались они так: А — аз, Б — буки, В — веди, Г — глаголь, Д — добро, Е — есть, Ж — живете, З — земля, И — иже, К — како, Л — люди, М — мыслете, Н — наш, О — он, П — покой, Р — рцы, С — слово, Т — твердо, У, Ф — ферт, Х — хер, Ц — цы, Ч — червь, Ш — ша, Щ — ща, Ъ — ер, Ы — еры, Ь — ерь, Ъ — ять, Э, Ю, Я, Ѡ — фита. По первым буквам — аз, буки, веди — и назвали: азбука или, аз-веди.

Азбуковник.

Учителя — дидаскалы
(со старинного рисунка).

Наказание школьников
(со старинного рисунка).

КАК В СТАРИНУ УЧИЛИ ЧИТАТЬ?

Сначала учили азбуку. Азбуку надо было выучить так, чтоб в один дух, без запинки, сказать ее всю от начала до конца и от конца до начала. Учитель тогда назывался дидаскал. Дидаскал говорит буквы, а ребята все хором нараспев повторяют за ним: аз — буки — веди — глаголь... Кричали ребята хором во весь голос и учили азбуку долго — почти год. „Аз, буки учат, во всю избу кричат“, говорили тогда про школу. А ученики сложили пословицу про азбуку:

—Аз да увяз, да не выбрался.

После азбуки начинали читать по складам. И склады учили целый год. Попробуй-ка прочесть по буквам, как читали раньше: „Я выписываю „Мурзилку“. У тебя получится:“ я веди еры покой иже слово еры веди аз ю мыслете у рцы земля иже люди како у.

А теперь попробуй сложить эти буквы по складам в слово, и ты поймешь, почему ребятам приходилось так долго учить букварь.

ЧТО ТАКОЕ „НАКАЗАТЕЛЬНЫЙ АЗБУКОВНИК“

Посмотри, как написаны буквы в азбуковнике. Здесь и заглавные, и прописные, и большие, и с закорючками, и с росчерком. Напиши хоть одну из этих заглавных букв, и ты увидишь, как это трудно. А лет сто тому назад ученики исписывали целые страницы таких букв, да при этом писали гусиным пером. Иногда учитель писал в тетради образец буквы, а иногда ученики списывали с прописей. Учеников так часто и так много за эту пропись пороли, что она так и называлась: „азбуковник наказательный“.

КАК НАЧИНАЛИСЬ В СТАРИННОЙ ШКОЛЕ УРОКИ?

В школу ученики приходили рано—часов в семь. Еще раньше приходили дежурные—старосты. Они должны были „школу подмести, в печи закали и у дверей сидеть, а которые выходят и входят, о всех ведать“.

Когда приходил учитель, ученики „честь достойную ему воздавали“—вставали и кланялись в ноги. Дидаскал снимал розгу, которая висела в углу около иконы и не расставался с ней до конца уроков. Ученики сидели неподвижно. Учитель приговаривал: „Егда кто ближнего будет назидать (это значит: смотреть на соседа) и очима своими налицати (это значит: глазами подмигивать), ему же биение будет нещадно“. Детей постарше били розгой черемуховой, а маленьких—березовой. Так и говорили: угостить березовой кашей.

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Таблица умножительная

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
2	4	6	8	10	12	14	16	18	20
3	6	9	12	15	18	21	24	27	30
4	8	12	16	20	24	28	32	36	40
5	10	15	20	25	30	35	40	45	50
6	12	18	24	30	36	42	48	54	60
7	14	21	28	35	42	49	56	63	70
8	16	24	32	40	48	56	64	72	80
9	18	27	36	45	54	63	72	81	90
10	20	30	40	50	60	70	80	90	100

Сложение
4214
6735
2369

1331

Вычитание
68442
54230

24512

Деление
1016482547 64824110
60

48
40

82
80

24
20

47
40

7

Умножение
6245
2

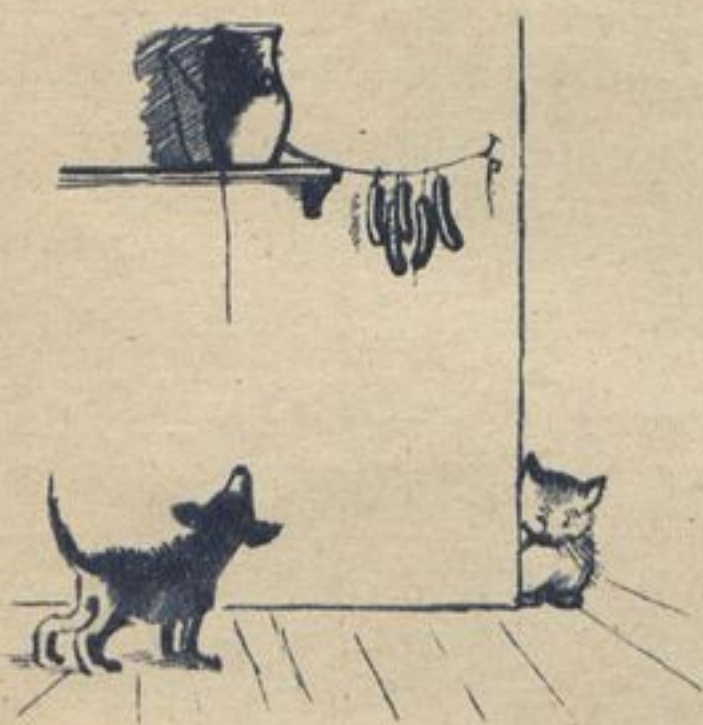
12490

Лишь кто сию таблицу твердо знает тот человек в счете твердо умом обивает

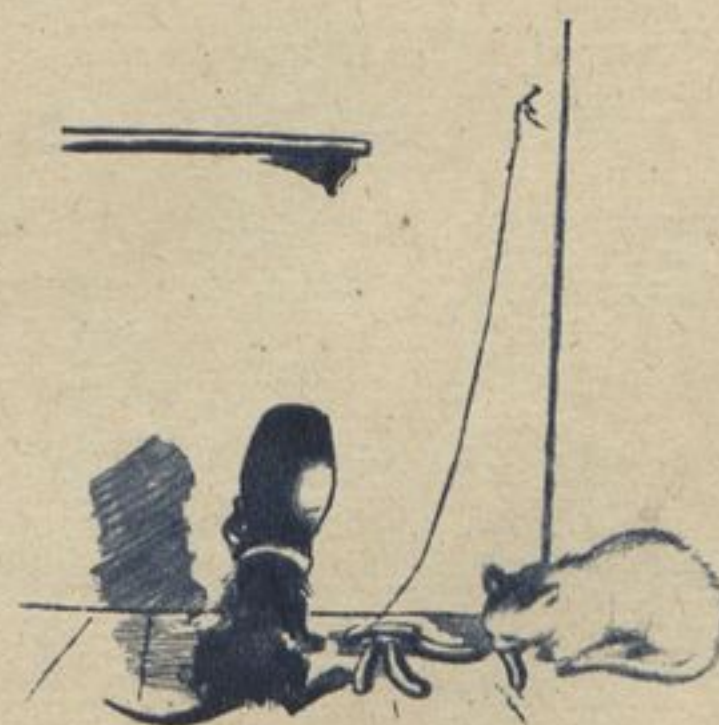

А это таблица умножения, или „таблица умножительная“, как ее тогда называли.

рати (это значит: смотреть на соседа) и очима своими налицати (это значит: глазами подмигивать), ему же биение будет нещадно“. Детей постарше били розгой черемуховой, а маленьких—березовой. Так и говорили: угостить березовой кашей.

ХИТРАЯ МАКИ

У собаки Маки разгорелись глазки: увидела Маки вкусные колбаски. А кот смотрит издали.

Изловчилась Маки да как прыгнет ловко! И в зубах у Маки... длинная веревка. А кот подошел поближе и смотрит.

В сырости и мраке глупенькая Маки. До чего обидно—ничего не видно! А кот только этого и ждал.

Если сложишь — сложится.
А почему не множится?